

Российская академия наук
Институт истории материальной культуры

ТРУДЫ

III (XIX) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

Великий Новгород — Старая Русса

Том II

Ответственные редакторы
Член-корреспондент РАН *Н.А. Макаров*
Член-корреспондент РАН *Е.Н. Носов*

Санкт-Петербург — Москва — Великий Новгород
2011

УДК 902/904
ББК 63.3
Т78

Организация III (XIX) Всероссийского археологического съезда и издание трудов осуществлены при финансовой поддержке Президиума РАН, Санкт-Петербургского научного центра РАН, Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, проект № 11-01-14028г), Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ, проект № 11-06-06115г)

Редакционная коллегия:

О.И. Богуславский, М.Ю. Вахтина, Т.С. Дорофеева, М.Т. Кашуба, Н.В. Лопатин, Л.Б. Кирчо, Е.Н. Носов, Н.В. Хвоцинская, Л.Г. Шаяхметова.

Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. — СПб-М-Великий Новгород, 2011. — 424 с.: илл.

Щапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Сарачева Т.Г., Столярова Е.К., 2007. Морфология украшений // Морфология древностей. М. Вып. 4.

Щапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Столярова Е.К., 1990. Морфология древностей. Киев.

А.И. Мартынов

Кемеровский государственный университет, Кемерово

Археология в современном общем историческом образовании

Современная отечественная археология постепенно из науки примера, артефактов, накопив огромное количество знаний, становится наукой исторического процесса.

Острейший вопрос современности: как колоссальные достижения российской археологии используются в современном массовом школьном историческом образовании? Ответ один – никак. Пример тому – большинство школьных учебников. Их много. Среди них лучшими можно признать «Историю Древнего мира» для пятого класса (авторы А.Д. Вигасин, Г.И. Годар, И.С. Свинцицкая) и «Всеобщую историю» для десятого класса (авторы Л.Н. Алексашкина, В.А. Головина).

В школьных учебниках почти три миллиона лет истории человечества, известные только по археологическим материалам, излагаются так, будто археологии как науки и не существует: не упоминается ни один археологический памятник на территории нашей страны, не говоря уже о достижениях людей, живших в ту или иную эпоху, без которых была бы невозможна и современная цивилизация, не формируются представления о роли евразийского пространства современной России в археологическую древность.

Во всех учебниках излагается только социально-политическая история, осмысленная в устаревших

категориях исторического материализма как начальный этап социального развития с точки зрения формационно-эволюционного подхода.

В результате юный россиянин должен считать основными историческими фактами и событиями жизнь египетских вельмож, восточные походы фараонов, индийские касты, потерю земледельцами земли и свободы, греко-персидские войны и войны древности, средневековья и нового времени, а вместе с ними и классовый антагонизм, и все революции.

При таком изучении истории будущий гражданин России не представляет ценности памятников археологического наследия страны, не знает, какие народы формировались на евразийском пространстве. У него не воспитывается любовь к прошлому страны, гордость за ее историю. Незнание археологии страны формирует искаженное представление о том, что все исторически ценное находится не в России, а где-то за рубежом. Почему так? Ответ прост: в стране нет концепции современного школьного исторического образования, которая, при наличии разных учебников, определяла бы объем необходимых основных знаний (своего рода стандарт) по отечественной и мировой истории.

О.М. Мельникова

Удмуртский государственный университет, Ижевск

Археология в России как профессия: историко-научный взгляд (вторая половина XIX — начало XX в.)

У современного исследователя не вызывает сомнения факт существования профессии археолога. По нормативным документам, археология является специальностью 00.07.06 в рамках исторической науки. Университеты осуществляют профессиональную подготовку, научные, музейные организации имеют

в своем штате должности научных сотрудников, выполняющих археологическую работу. Эта очевидность существования профессии, тем не менее, требует обращения к истокам ее формирования, что тесно связано с процессом институционализации археологии, начавшимся со второй половины XIX в.

Коллективный социальный и профессиональный портрет деятелей российской археологии второй половины XIX – начала XX в. весьма пестр. Это профессора университетов, государственные служащие, земские деятели, преподаватели в системе духовного и светского образования, инженеры, предприниматели, купцы, студенты, писатели, врачи, помещики, священнослужители, журналисты, рабочие, военные, художники, агрономы, лесничие. Поэтому очень важно понять, каким образом столь разные по социальному статусу, образованию, происхождению, месту жительства люди способствовали формированию профессии археолога. Для этого следует выявить факторы, способствовавшие или препятствовавшие институционализации профессиональной археологии.

Основы профессионализации археологии были заложены в пореформенные годы. При Министерстве Императорского двора был создан высший государственный орган, координирующий археологическую деятельность в России, – Императорская археологическая комиссия. Однако опека со стороны государства, выражавшаяся в персональном подходе к каждому решению, связанному с высочайшим одобрением любых действий формирующегося археологического научного сообщества (проведение съездов, открытие научных обществ, образовательных учреждений), препятствовала окончательной институционализации профессии археолога. Развитие профессионального университетского образования допускало введение в авторские учебные курсы археологических знаний, методов исследования, экскурсионных и полевых практик. Наряду с этим были созданы специализированные учебные заведения – Археологические институты в Петербурге и Москве с филиалами по России. Важным позитивным фактором в оформлении профессии стала возможность создания по общественной инициативе научных обществ, внутри которых объединенные общей идеей служения народу через изучение прошлого своего отечества представители различных социальных и профессиональных групп фор-

мировали этические и профессиональные нормы научной археологической деятельности.

Пореформенные годы создали возможности для широкого неформального общения становящихся профессионалами любителей: открытые заседания научных обществ, Всероссийские и областные археологические съезды выполняли важнейшую миссию консолидации и социализации провинциального сообщества в рамках формирующейся профессии. Ядром этих процессов стала профессура российских университетов, по преимуществу выпускники историко-филологических факультетов.

Наконец, значимую роль в оформлении профессии археолога сыграли издания научных обществ, музеев, служившие, наряду с частной перепиской, важнейшим каналом коммуникаций между всеми интересующимися археологией страны и ставшие инструментом привлечения неопитов в археологию.

После октября 1917 г. профессионализация археологии стала развиваться другими путями. Государство, заинтересованное в археологии как одном из элементов формирования новой атеистической коммунистической идеологии, стало обучать археологов в университетах, содержало штат специалистов в научно-исследовательских институтах и музеях. Одновременно с этим оно жестко контролировало научную деятельность ученых, определяя границы профессиональной научной среды.

На протяжении 1920–1930-х гг. произошла значимая трансформация: археология конституировалась как наука, что в реальности означало конец любительству и оформление археологии как профессии. Археологическое научное сообщество, в особенности после разгрома краеведческого движения в стране в конце 1920-х гг., стало более формализованным. Оно включало в себя только ученых-специалистов, получивших соответствующее образование, работающих в образовательных, музейных или исследовательских учреждениях, являющихся авторами научных публикаций.

В.В. Митрофанов

Филиал Южно-Уральского государственного университета, Нижневартовск

О сотрудничестве А.А. Бобринского и С.Ф. Платонова в рамках научно-археологических обществ

Прошедшие I (XVII) в Ярославле и II (XVIII) в Новосибирске, а также нынешний III съезды показывают, что форма взаимодействия историков и археологов России (и зарубежных), явившаяся следствием

инициативы графа А.С. Уварова (Митрофанов, 2008а. С. 167–169) и исчерпавшая себя в последние годы императорской России, получила стараниями заинтересованных научных учреждений второе дыхание (Не-